

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ СЕЛЬКУПСКИХ ПОСМЕРТНЫХ ЖИЛИЩ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В данной статье выявляются принципы номинации селькупских посмертных жилищ – кладбища, могилы, гроба. Этнолингвистический анализ раскрывает особенности и культурную значимость селькупской погребальной традиции.

Ключевые слова: этнолингвистика, селькупский язык, кладбище, могила, гроб.

В статье впервые на селькупском материале анализируются лексемы, имеющие значения посмертного жилища. Наиболее точная интерпретация анализируемых лексем достигается путем соединения имеющихся этнографических сведений, данных мифологии и фольклора о похоронном обряде у селькупов с данными языка. Языковая информация понимается здесь в широком смысле: привлекаются не только словарные материалы, но и текстовые, а также данные топонимики. Каждый тип посмертного жилища включает несколько названий с общей семой. Структурно они состоят из отдельных слов или словосочетаний и частично синонимизируются.

Рассмотрим названия посмертного жилища с общей семой 'кладбище'. В селькупских диалектах выявляется целый ряд терминов для обозначения кладбища.

qaqal' ety 'кладбище' (букв. 'могильное стойбище')

Это составное наименование, обозначающее буквально 'покойническое стойбище'. Область распространения данного термина ограничивается северными диалектами. В настоящее время его помнят немногие селькупы; они отмечают, что так говорили только в старину. Структурно он образован по модели 'имя прилагательное + имя существительное' (*kagal'* 'могильный', *ed* 'стойбище, поселение'). В изолированном употреблении слово *ety*, *ed* употребляется в качестве обозначения места обитания живых людей и в южных диалектах, ср.: Ив. *edegyn qula aza kot'ik kalymbat* 'В поселке мало людей осталось'. Отыменное прилагательное, образованное с помощью словообразовательного форманта *-l'*, вошло в состав двух мифологем, записанных на Турухане: *qaqal' etyl' kynok* – букв. 'могильного (мертвецкого) стойбища устье реки' и *qaqal' etyl' tetty* – букв. 'земля могильного (мертвецкого) стойбища'. Последнее словосочетание селькупы переводят как 'кладбище' [1].

lattar ety 'кладбище' (букв. 'покойник стойбище')

Данное составное наименование в значении 'кладбище' встретилось в одном из вариантов известной северо-селькупской сказки о Томнэнке и Нэтэнке, хранящейся в архиве Л. А. Варковицкой [1]. Структурно этот термин построен по модели 'имя существительное в номинативе + имя существительное в номинативе'.

porkal' ety 'кладбище' (букв. 'идолов стойбище')

Данный термин можно обозначить как 'кладбище' лишь условно. Он встречается в одном из вариантов сказки о Томнэнке и Нэтэнке, записанной Л. Ю. Иоффе в 1973 г. в Красноселькупе, [2]. Однако сравнение с вариантом этой же сказки, хранящейся в архиве Л. А. Варковицкой, где место, на которое Томнэнка принесла ребенка, называется *lattar ety*, позволяет понять, что речь идет о кладбище. На это указывает также материал селькупско-русского диалектного словаря, в котором имеется существительное *porgə* 'могила' и составное наименование *porgei tət* 'кладбище'. Обе лексемы зафиксированы в елогуйских говорах [3]. Структурно термин *porkal' ety* состоит из прилагательного и существительного в номинативе.

лэет 'деревня костей' (лэ 'кость' эд 'деревня')

Современные лексикографические источники фиксируют данный термин исключительно в кетском диалектном ареале как в слитном, так и в раздельном написании: кет. *лоедэ, лой эды* 'кладбище' [3]. В словаре Я. Алатало термин помечен как «*volksetymologisch*» (народная этимология) [4]. Г. И. Пелих отмечает, что словом «лэет» нарымские селькупы называли «собственно селькупские кладбища», имея в виду место для хранения костей [5]. Структурно этот термин построен по модели 'имя существительное в номинативе + имя существительное в номинативе'.

qagatpar 'кладбище'

Данный термин употребляется для обозначения поверхности земли, на которой находится кладбище. Он встретился в языке обских шешкупов. Слово образовано по модели 'имя существительное в генитиве + послелог'. Послелог *par* имеет значение 'над чем-либо, поверх чего-либо'. О термине *qaga* см. ниже. Возможно, появление термина *qagatpar* связано с древними представлениями селькупов о том, что могильные души продолжают «жить» под землей, образуя свой мир, схожий с миром людей. Человек, даже придя на кладбище, не может вторгаться в этот мир; ему доступна лишь верхняя, наземная поверхность этого мира.

kusy mǎrgə 'кладбище'

Это словосочетание встретилось только в елогуйских материалах. Буквальное его значение 'чер-

тов холм'. Слово *marka* в значении 'холм, остров' встречается в разных диалектах [4]. Структура термина – сочетание двух существительных в номинативе.

Мифологический персонаж *kysu* (*Кызы*) известен как всепильное злое божество северных селькупов. Он вредит людям и питается человеческими душами, живет в море мертвых, за которым находится город мертвых. *Кызы* создает препятствия шаманам, когда они пытаются вернуть душу больного человека и внедрить ее обратно в телесную оболочку. *Кызы* ассоциируется с русским дьяволом, поскольку он связан с Нижним миром и является олицетворением зла [1]. Чаще всего болезнь человека объяснялась селькупами вхождением в тело человека злого духа *Кызы* [6]. Слово *kysu* не вошло в основной словарный фонд селькупов, а осталось преимущественно североселькупской мифологией. Г. Н. Прокофьев пытается установить соответствия данной лексеме в других самодийских языках, ср.: нен. *hāsawa*, эн. *kāsa*, камас. *kuza*, матор. *chasyu* 'человек, мужчина' [7]. Е. А. Хелимский приводит различные варианты этой лексемы из маторского и тайгйского языков и связывает их с прасамодийской реконструкцией **kaasa* 'человек, мужчина' [8].

Рассмотрим названия посмертных жилищ, объединенных общим семантическим компонентом 'гроб'.

se 'гроб'

Слово встречается в диалектах юга в разных фонетических вариантах: об. ш., об. ч., тым. *сэ*, об. с. *сă*, кет. *сы-соаг*, вас. *хы*, об. ч. *хэ* [3].

Приведем примеры употребления данного слова в предложениях: Вольд. *kut tōyadyt, hymdy meyadyt* 'Люди пришли, гроб сделали'; *hundy pössadyt tabəqyp šenni* 'В гроб положили их обоих'.

В словаре Е. А. Хелимского лексема *se* 'гроб' помечена как *obsolete* (устаревшая, вышедшая из употребления), взамен которой в настоящее время употребляется лексема *pol'qor* 'деревянный лабаз' [9].

Существует мнение, что с лексемой *se* этимологически связана лексема *sessan*, обозначающая 'священный родовой амбарчик' [10]. По материалам Е. Д. Прокофьевой, *lozyl'sessan* (лозыль сесан) 'духов амбар' имелся в глухой тайге на каждой родовой территории селькупов. Дорогу к этим амбарам часто нелегко было найти; она отмечалась лишь лоскутками-прикладами на деревьях [11]. В материалах М. А. Кастрена для данного слова представлено значение 'абмар-кладовая для припасов' (Vorratshaus, Speicher) [12].

Возможно также сопоставление лексемы *se* с прасамодийской лексемой **sirə* 'graben, aushöhlen (mit einem Messer)' (копать, выдалбливать ножом). Этимологические соответствия обнаруживаются в

нганасанском, энецком и ненецком языках [13]. В туруханских экспедиционных материалах имеется ряд сопоставимых селькупских лексем: *сырқо* 'копать, долбить', отглагольное существительное *сыртă* 'зарубка', отглагольный глагол *сыргылықо* 'выдолбить', отглагольное прилагательное *сырпыль* 'выдолбленный'. В туруханском, кетском и тымском диалектных ареалах зафиксировано составное наименование *сырăль по*, обозначающее: 1) мифологема 'дерево с зарубками'; 2) лестница; 3) ступенька [3]. Такое толкование хорошо коррелирует с этнографическими данными. Г. И. Пелих, описывая типы захоронений у селькупов, выделяет грунтовые захоронения, когда копали могильную яму или же снимали только верхний пласт земли. Покойника опускали в могилу на широкой доске, на спине в вытянутом положении. Наряду с этим типом захоронений были также распространены захоронения в долбленных лодках или долбленных гробах [5]. По материалам поздних кладбищ Васюганья XVII–XIX вв. В. А. Дремовым была выявлена определенная зависимость между глубиной могил и временем их сооружения: чем древнее были могилы, тем меньшую глубину они имели, и наоборот. К XX в. по глубине они сравнялись с могилами русских, достигнув уровня 2 м [14].

Таким образом, селькупский этнолингвистический материал позволяет реконструировать трактовку слова *сэ* следующим образом: это долбленная лодка или гроб, в которые укладывали покойника, а также выдолбленное углубление в земле. Углубление в земле получило значение 'могила'. В настоящее время лексема *сэ* вышла из употребления, поскольку прекратил свое существование способ захоронения людей в долбленных лодках-гробах; он уступил место захоронениям в глубоких грунтовых ямах и в дощатых гробах, заимствованных у русского населения. Захоронения в дощатых гробах являются более поздним способом погребения по сравнению с захоронениями в долбленных колодах [14].

Целый ряд терминов, обозначающих 'гроб', включают в себя компонент *mat*. Это слово в изолированном употреблении встречается как в южных, так и северных диалектах. Наиболее ярко это значение прослеживается в контексте: Нап. *nagur t'emn'at madyp megadyt püllagaut* 'Три брата дом строят из камня'; Нельм. *n'en'n'adə matkyt abyр podespat* 'Она в доме еду варит'.

Рассмотрим подробнее названия гроба, включающие в себя компонент *mat*.

kumməd kūbəl' mättə 'гроб, могила' (букв. 'человека мертвого дом' (Haus des toten Mannes))

Данное словосочетание имеется в тазовских (тундровых) материалах К. Доннера. Оно образовано по модели 'имя существительное в генитиве

ве + имя прилагательное + имя существительное в номинативе⁷. Анализируемый термин отражает один из способов захоронений, сверху которого сооружался срубный домик, рубленный из бревен или широких плах. При этом бревна соединялись в угол тем же способом, что и при строительстве обычного жилища. Могильный домик покрывался двускатной крышей, в нем прорубалось небольшое окно. По замечанию Г. И. Пелих, издали такое кладбище напоминало поселок из маленьких домиков. Селькупы считают захоронения с деревянными домиками могилами своих предков [5]. Обозначение гроба и дома одним словом наблюдается и в других уральских языках, в частности в пермских и марийском. Безусловно, это не случайная омонимия, а отражение традиционных представлений о жизни человека после смерти.

sej mat 'гроб' (букв. 'гробовой дом')

Так называют гроб в п. Усть-Озерное на р. Кеть. Структурно термин построен по модели 'имя прилагательное + имя существительное в номинативе'.

tüej mat 'берестяной гроб' (Sarg aus Birkenrinde) (букв. 'берестяной дом')

Это составное наименование записано в кетских материалах Я. Алатало [4]. По своей структуре оно не отличается от предыдущего наименования. Этнографические и археологические данные свидетельствуют о широком использовании бересты в погребальной обрядности селькупов. Нарымские селькупы полотнищами, сшитыми из бересты, покрывали тела умерших сверху, прежде чем накрыть деревянной крышкой; застилали крышки гробов, а также полностью обертывали покойного или гроб. Если гроб или колода не имели деревянной крышки, то они сверху покрывались берестяными полотнищами-тисками. Часто берестяные тиски сами по себе служили «гробом», т. е. тело покойного обертывали в бересту и хоронили без гроба [14].

Для обозначения гроба в селькупских диалектах используется ряд составных наименований, включающих компонент *kor* 'амбар, лабаз'. В южных диалектах слово *kore* получило значение 'шалаш, балаган, избушка-стан' [3]. По-видимому, этим словом называют крышу, крытую постройку для временного жилья, хранения продуктов или идолов [4].

В значении 'лабаз (амбар) для хранения продуктов' слово встречается уже в ранних материалах М. А. Кастрена. В настоящее время этим словом северные селькупы называют сооружение на столбах – хозяйственное хранилище, а также место хранения изображений духов. О. А. Казакевич отмечает, что селькупы с опаской относятся к старым амбарам, полагая, что в них обитают души умерших. Существует предание о том, что один сель-

куп, переночевав в старом амбаре, превратился в покойника [1]. Е. Д. Прокофьева подробно описывает строение, которое селькупы называют словом *kor*. Это небольшая постройка из плах с двускатной крышей на двух-трех высоких столбах. В передней стенке амбара прорезано дверное отверстие, которое закладывается дверью. Они однотипны с хантыйскими и мансийскими амбарами, и по внешнему виду священные амбары ничем не отличаются от хозяйственных [11].

tüej korra 'берестяной гроб' (birkenrindener Sarg) (букв. 'берестяное покрывало')

Это составное наименование записано в кетских материалах Я. Алатало [4]. О широком использовании бересты в погребальной обрядности селькупов упоминалось в связи с описанием лексемы *tüej mat*. Термин включает в свой состав имя прилагательное и имя существительное в номинативе.

illäl' pol' kor 'нижний гроб' (букв. 'нижний деревянный лабаз') – так северные селькупы называют гроб, который закапывают в землю, внутреннее жилище мертвых.

innäl' pol' kor 'верхний гроб' (букв. 'верхний деревянный лабаз')

Этим термином называется деревянное надмогильное сооружение, надгробие, в передней стенке которого делается отверстие для общения с покойным. Термины *illäl' pol' kor* и *innäl' pol' kor* встречаются в северо-селькупском диалектном ареале [1].

Рассмотрим далее названия посмертных жилищ, связанных общим семантическим компонентом 'могила'. Сюда включаются как отдельные слова, так и составные наименования.

kaga 'могила'

Непроизводная основа может иметь значения 'покойник, мертвец', 'старый труп', 'кладбище', 'могила'. Слово представлено в Словаре шаманского языка, опубликованного в качестве приложения к монографии Г. И. Пелих [5]. По мнению автора, шаманскому слову *kaga* в разговорном селькупском языке соответствует *латар* 'покойник', *кумба* 'могила', *кумбырса* 'бандура'. Следует отметить, что в лингвистических источниках слово *kaga* представлено как многозначное слово обычного (не шаманского) селькупского языка.

Селькупское слово *kaga* восходит к общесамодийскому **kajkə* 'дух' (Geist) [13]. В языках северных самодийцев представлены культовые значения слова. Реликтами данной прасамодийской основы в энецком языке является лексема *kaha-haha-kiho* [13]. По этнографическим данным, это посредник между шаманом и верхними/небесными духами, которые доносят просьбу до божества *Нго*. К тому же *кихо* – это дух священного места [11].

В ненецком языке реликтом прасамодийской основы выступает лексема *кяня-хэхэ* [13]. В диалек-

тах моторского языка имеются этимологические близкие лексемы: *káigu, cháigo, kaigo* 'idulum' [8].

В экспедиционных материалах к тазовским селькупам Г. И. Пелих, помимо термина *kaga*, выделяет также термин *кагаль мун* 'большой палец' (букв. 'могильный палец'), которым обозначали так называемую 'могильную душу'. Иногда после смерти шамана ему отрезали большой палец *кагаль мун*, который переходил по наследству от отца к старшему сыну вместе с шаманской силой. Считалось, что пока хранится *кагаль мун*, дух этого шамана ходит над землей [15]. Поскольку 'могильная душа' может быть локализована в области большого пальца, ее можно задержать, если сохранять большой палец умершего человека (шамана). В данном случае возможно провести параллель с христианской практикой сохранения мощей. По воззрениям древних, сила человека была не в плоти (теле), а в его костях. Мощи являются носителями благодатных сил, которые могут подаваться верующим, для этой цели они сохраняются. *Кагал-муч* называлось кладбище на р. Парабели. От прилагательного *kagal'* образован топоним *кагал-кыге* 'могильная речка'. Так селькупы называют левый приток р. Сигат Кыге – притока р. Нюрольки (бассейн р. Васюгана).

Таким образом, наиболее архаичным значением термина *kaga* является 'дух (связанный с переходом человека в потусторонний мир)' или 'могильная душа', что подтверждается общесамодийской реконструкцией Ю. Янхунена – **kajka* 'дух' (Geist). Затем этим термином стали обозначать то место, куда уходит священный дух человека после его смерти, т. е. могилу.

кyl 'яма, могила'

Значение 'могила' данное слово получило в результате исторического развития селькупского языка. В ранних источниках оно встречается у Кастрена в значении 'естественное углубление (яма), в том числе в реке'. В современных материалах лексема встречается в разных вариантах в южноселькупских диалектах: об. ч., вас. *кылэ*, об. с. *кыл*, об. ш. *кыл* ~ *кыл* в значениях 'яма', 'могила', 'берлога' [3].

Это слово следует отнести к енисейским заимствованиям, ср.: кет. *кыл:л* 'яма со скоплением рыбы в реке или озере' [16]. На самодийском материале данная лексема не восстанавливается. В некоторых случаях лексема *kyl* сочетается с прилагательным *isul* 'земляной', что не модифицирует ее значение. В туруханских говорах встретился термин *lattarkyl* в значении могила (букв. 'покойническая яма' или 'чертова яма').

Для обозначения могилы в диалектах селькупского языка используется ряд составных наименований, включающих компонент *mekty* 'холм, бугор'. Слово *mekty* относится к уральскому лексическому пласту. К. Редеи приводит уральскую ре-

конструкцию исходной лексемы и ее соответствия в других уральских языках, где лексемы переведены как 'земляной холм', 'болотная кочка', 'куча', 'груда' и т. п. [17].

На самодийском уровне Ю. Янхунен реконструирует форму * *mekta* 'kleiner Hügel, Rasenhügel' (маленький холм, холмик, покрытый дерном). Соответствия обнаруживаются в других самодийских языках – ненецком, камасинском, койбальском, моторском [13].

В лексикографических источниках по селькупскому языку лексема имеет значения 'холм, стог, куча, сугроб', ср.: об. ч., вас., тур. *мект* ~ *мекты*, об. ш. *мәкт*, тым. *меқты* [3]; Ив. *komnalap mešpaut, mektyp mešpaut* 'Копны делаем, стога делаем'.

Значение 'могила, кладбище' слово получает только в составных конструкциях. Все они объединены общей структурной моделью 'имя прилагательное + имя существительное в номинативе'.

lattaryl' mekty 'кладбище' (букв. 'покойнический холм')

Данное составное наименование используется в северных диалектах: *ukkyr contogyt lattaryl' mektonty tulyn 'n'a* 'Вдруг кладбища достиг он'. По замечанию О. А. Казакевич, на Турухане это название кладбища используется до сих пор [1].

qumyl' mekty 'могила, кладбище' (букв. 'простой, человеческий холм')

Это составное наименование употребляется в языке туруханских селькупов. Оно зафиксировано в селькупско-русском диалектном словаре [3]. Примеров употребления в контекстах на данном этапе исследования не обнаружено. Слово *qumyl'* следует трактовать как 'простой, человеческий, не шаманский'.

tij mekty 'кладбище' (букв. 'земляной холм')

Впервые этот термин встречается в полевых материалах А. П. Дульзона с р. Кеть, хранящихся в рукописных фондах кафедры языков народов Сибири ТГПУ. Здесь он представлен в слитном написании – *тоймекты*. Г. И. Пелих приводит термин *чуемека* 'земляные холмы', записанный у нарымских селькупов. По ее данным, так селькупы обозначали «могилы в виде распавшихся курганов» – захоронения, оставленные древним народом чудь (в терминологии селькупов *квели-куп*). Согласно преданию, чудь хоронила всех членов семьи под одним холмом; покойники клались один над другим, так что холмы достигали большой высоты [5].

pol' mekty 'лесное кладбище' (букв. 'деревянный холм')

Этот термин был записан Г. Н. Прокофьевым в Туруханском крае и переведен им как 'древесное кладбище'. Так, по его мнению, селькупы называли одно их стойбищ на реке Худосей. По преданию, здесь во время одной из эпидемий оспы вымерло

все население, состоящее из остяко-самоедов и енисейцев. Позже Е. Д. Прокофьева отмечала, что на месте, которое селькупы называли *pol' mekty*, было похоронено большое количество умерших от оспы людей, которые сначала лежали кучами «высотой с хорей»; «ныне кладбище заросло лесом, откуда и его название – лесное кладбище» [18].

Возможно термин *pol' mekty* отражает один из типов захоронений селькупов, описанный Г. И. Пелих: умершего заворачивали в шкуру животного или бересту, и в таком виде труп привязывали на ремнях к дереву, пока он не высохал. По свидетельству одного из информаторов Г. И. Пелих, труп висел на дереве примерно три года, все это время душа покойного бродила среди его живых сородичей. Затем ремни, на которых висел труп, перерезали, иссохший труп падал на землю и его предавали земле [5]. Кроме того, этнографам известен следующий обычай: покойника везли к месту захоронения всегда по воде; если же человек умирал зимой, то труп подвешивали на дереве до вскрытия реки [5]. Могилой младенца, умершего до года, становится дерево, как правило, кедр со срезанным стволом.

Таким образом, в данной статье мы провели этнолингвистический анализ селькупских лексем, объединенных общими семантическими компонентами 'гроб', 'могила', 'кладбище'. Следует отметить синонимию внутри данного поля – для каждого из слов со значением 'гроб', 'могила', 'кладбище' язык предлагает множество вариантов, что свидетельствует о безусловной значимости похоронного обряда в культуре селькупов. Еще одним важным фактором является использование одних и тех же слов для номинации жилищ живых и мертвых: слово *ed, ety* 'стойбище, поселок' трансформируется в поселение для мертвых – 'кладбище': *qaqal' ety, lattar ety, porkal' ety*; лексема *mat* 'дом' в составе конструкций обозначает одновременно и 'гроб' – *kumməd kūbəl' mättə, sej mat, tüej mat*. Слово *mekty* 'стог, куча, груда' трансформируется в название могилы – *lattaryl' mekty, qumyl' mekty, tüj mekty, pol' mekty*. Лексема *se* этимологически сопоставима с лексемой *sessan*, обозначающей 'амбар, священный родовой амбарчик': Лос.:

essem mādan poqqundə mēyat sessan 'Отец-мой сбоку дома сделал амбар'.

Все эти факты языка отражают традиционное мировоззрение селькупов, на основании которого умершие «живут» как обычные люди. Возможно, считалось, что покойники обитают здесь же на земле, только находятся в другом состоянии, откуда и происходит тождественность номинаций жилищ для живых людей и могильных сооружений.

Таким образом, можно наметить определенную систему принципов номинации посмертного жилища в селькупском языке:

1) структурный принцип: все рассмотренные составные термины образуют лексическое единство. Структурно они оформляются по двум моделям: а) имя прилагательное + имя существительное в номинативе; б) имя существительное в номинативе + имя существительное в номинативе; с) имя существительное в генитиве + послелог; д) имя существительное в генитиве + имя прилагательное + имя существительное в номинативе;

2) семантический принцип: обозначение жилищ реального мира трансформируется путем введения особых слов (стойбище, дом, лабаз, кости и др.) в названия для реалий потустороннего мира;

3) диалектный дистрибутивный принцип: происходит полная или частичная синонимизация лексических единиц одного разряда ввиду диалектного разнообразия. Так, в северных диалектах для обозначения кладбища употребляются термины *qaqal' ety, lattar ety, porkal' ety, kysy mǎrgə*; на р. Кеть зафиксирован термин *lǎem*; в языке обских шешкупов – *qagatpar*. Гроб обозначается в диалектах юга словом *se*; на р. Кеть известны такие названия, как *sej mat, tüej mat, tüej korra*; в диалектах севера употребляются для названия посмертного жилища словосочетания *kumməd kūbəl' mättə, illäl' pol' kor, innäl' pol' kor*. Для обозначения могилы, как на юге, так и на севере, известно слово *kaga* 'могила'; в южных диалектах употребляется также лексема *kyl*, на р. Кеть зафиксировано словосочетание *tüj mekty*, в диалектах севера распространены словосочетания *lattaryl' mekty, qumyl' mekty, tüj mekty, pol' mekty*.

Список сокращений

вас. – васюганский диалект селькупского языка, Вольд. – Вольджа, Ив. – Иванкино, камас. – камасинский язык; кет. – кетский диалект селькупского языка, Лос. – Лоиноборское, матор. – маторский язык; Нап. – Напас, Нельм. – Нельмач, нен. – ненецкий язык, об. с. – говор обских сюсюкумов, об. ч. – говор обских чумьлькупов, об. ш. – говор обских шешкупов; тым. – тымский диалект селькупского языка, эн. – энецкий язык.

Список литературы

1. Мифология селькупов / Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Малони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 382 с.
2. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. М.: Изд-во МГУ, 1993. Т. 2. 196 с.
3. Быкопя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
4. Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004. 465 S.
5. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
6. Кузнецова А. И. Древние представления селькупов о болезни, смерти и сне (по материалам шаманских текстов и сказок) // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 2. С. 231–241.
7. Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1935. Ч. 1. 131 с.
8. Helinski E. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. // Studia uralo-altaica 41. Szeged, 1997. 475 S.
9. Helinski E. The Language of the First Selcup Books. Helsinki, 1983. 268 p.
10. Ким А. А. Селькупская культурная лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1999. 356 с.
11. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.–Л., 1952. С. 88–107.
12. Castrén M. A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St.-Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855. 404 S.
13. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. 185 S.
14. Боброва А. И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 176 с.
15. Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
16. Вернер Г. К. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1977. С. 131–195.
17. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Lieferung 1–3. Budapest, 1986. 593 S.
18. Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (СМАЭ.33). Л.: Наука, 1977. С. 66–79.

Ким-Малони А. А., доктор филологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: a_alaska@mail.ru

Байдак А. В., кандидат филологических наук, доцент.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина 30, Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: aleksandrabaydak@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.06.2010.

A. V. Baydak, A. A. Kim-Malony

PRINCIPLES OF THE NOMINATION OF THE SELKUP POSTHUMOUS LODGINGS IN CULTURAL CONTEXT

This article observes the principles of the nomination of the Selkup posthumous lodgings: the cemetery, the grave and the coffin. Ethnolinguistic analysis reveals the particularities and cultural importance of the Selkup burial tradition.

Key words: *ethnolinguistics, the Selkup language, the cemetery, the grave, the coffin.*

Kim-Malony A. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.

E-mail: a_alaska@mail.ru

Baydak A. V.

Tomsk Polytechnic University.

Ul. Lenin, 30, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634050.

E-mail: aleksandrabaydak@mail.ru